

Научная статья
УДК 340.112; 340.5; 343.8
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.26

ИЛЮХИНА Вера Александровна ✉
Академия ФСИН России, Рязань, Россия;
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия,
eva3011@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

ДЕМИЧЕВ Алексей Андреевич
Нижегородская академия МВД России;
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия,
aadem@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>

Original article

ILYUKHINA Vera Aleksanovna
Academy of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Ryazan, Russia; Nizhny Novgorod
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

DEMICHEV Alexey Andreevich
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
Nizhny Novgorod Branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

LEGAL TECHNIQUES FOR CODIFYING THE PRINCIPLES OF PENAL ENFORCEMENT LAW
IN THE LEGISLATION OF POST-SOVIET STATES

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в научной литературе компаративистских исследований принципов уголовно-исполнительного права государств постсоветского пространства. Цель исследования: выявление особенностей юридической техники закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства. Методы исследования: сравнительно-правовой, позволивший в компаративистском ракурсе проанализировать пенитенциарное законодательство государств постсоветского пространства, установить общее и выявить специфику; формально-юридический, позволивший выявить и проанализировать юридические понятия в том виде, как их сформулировал законодатель. Результаты: предложено основанное на позитивистском правопонимании определение принципов российской уголовно-исполнительного права (уголовно-исполнительного законодательства) как нормативно закрепленных и прямо маркированных в ст. 8 УИК РФ в качестве принципов уголовно-исполнительного законодательства основополагающих идей правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Сделан вывод об определяющем вли-

Abstract. The research is relevant due to the lack of comparative research on the principles of penal enforcement law in post-Soviet states in the scientific literature. The purpose of the study is to reveal the distinctive characteristics of legal techniques for codifying the principles of penal enforcement law in the legislation of post-Soviet states. Research methods: the comparative legal method, enabling a comparative analysis of penal enforcement legislation across post-Soviet states, revealing common features and highlighting unique aspects; the formal-legal method facilitating the identification and analysis of legal concepts as formulated by the legislator. Results: The article proposes a definition of the principles of Russian penal enforcement law (penal enforcement legislation) based on positivist legal understanding, as fundamental ideas of legal regulation of penal enforcement relations, normatively enshrined and explicitly marked in Article 8 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation as principles of penal enforcement legislation. The article concludes that the Model Penal Enforcement Code for CIS member states of November 2, 1996, has a decisive influence on the enshrinement mechanism and the list of principles of penal enforcement law

янии на механизм закрепления и перечень принципов уголовно-исполнительного права государств постсоветского пространства. Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г. Обосновано, что теоретически оптимальным для Российской Федерации является способ закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства, использованный разработчиками УИК Кыргызской Республики, а более приемлемой – модель Республики Армения. Предложены вопросы для проведения публичной научной дискуссии, касающейся принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: принципы права, принципы уголовно-исполнительного права, принципы уголовно-исполнительного законодательства, юридическая техника

Для цитирования: Илюхина В.А. Юридическая техника закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства / В.А. Илюхина, А.А. Демичев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.26 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 252–261.

in post-Soviet states. The article demonstrates that, theoretically, the most optimal way for the Russian Federation to incorporate the principles of penal enforcement legislation is the method employed by the developers of the Penal Enforcement Code of the Kyrgyz Republic, with the Republic of Armenia's model being more acceptable. The article offers questions for a public scientific discussion regarding the principles of penal enforcement legislation in the Russian Federation.

Keywords: principles of law, principles of penal enforcement law, principles of penal enforcement legislation, legal techniques

For citation: Ilyukhina V.A., Demichev A.A. Legal Techniques for Codifying the Principles of Penal Enforcement Law in the Legislation of Post-Soviet States. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 252–261. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.26.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность того или иного нормативного правового акта напрямую зависит от юридической техники, которая использовалась при его составлении. Целенаправленное использование современных технико-юридических приемов особенно важно при принятии кодифицированных актов, поскольку в правовых системах государств, входящих в континентальную правовую семью, именно они играют определяющую роль в правовом регулировании конкретных сфер общественных отношений.

В первой четверти XXI в. к законодателям и правоприменителям государств, возникших на постсоветском пространстве, все больше приходит осознание роли принципов права в национальных правовых системах. Это проявляется в том, что в кодифицированных актах стали нормативно закрепляться принципы права, а в актах правоприменительной практики все более многочисленными становятся отсылки к ним, в том числе при аргументации выносимых решений. Все сказанное

в определенной мере относится и к регулированию уголовно-исполнительных отношений.

Далее мы проанализируем особенности юридической техники закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства. Источником для исследования нам послужат кодифицированные акты в уголовно-исполнительной сфере, принятые в двенадцати официально признанных государствах, образованных из отдельных советских республик бывшего СССР.

Мы не рассматриваем законодательство стран Балтии – Латвии, Литвы и Эстонии, потому что, во-первых, эти республики вошли в состав СССР только в 1940 г. и оставались его частями всего чуть более полувека. Все это время, хотя там и действовало советское законодательство, правовой менталитет населения оставался близок к западноевропейскому. Во-вторых, после распада СССР страны Балтии практически полностью отказались от традиций советского законодательства, переориентировались на правовые системы государств Европейского союза и ве-

дут недружественную политику в отношении Российской Федерации. Это сказалось и на пенитенциарном законодательстве бывших государств Советской Прибалтики. Структура, юридическая техника и содержание их законов в уголовно-исполнительной сфере существенно отличаются от уголовно-исполнительного законодательства остальных постсоветских государств. По этим причинам включение законодательства Латвии, Литвы и Эстонии в предмет настоящего компаративистского исследования принципов уголовно-исполнительного права мы считаем нецелесообразным.

Понятие принципов уголовно-исполнительного законодательства

Понятие принципов права, в том числе уголовно-исполнительного [1; 2; 3; 4; 5], является дискуссионным в научной литературе. Мы не будем останавливаться на этой проблеме, но отметим, что определение принципов права, понимание их сущности, содержания, роли в правовом регулировании общественных отношений, места в национальной правовой системе напрямую обуславливается типом правопонимания, которого придерживается законодатель, правоприменитель, тот или иной конкретный ученый.

Можно сколько угодно критиковать позитивистское правопонимание, однако, на наш взгляд, именно оно, особенно в его жесткой нормативистской трактовке, наиболее отвечает современным вызовам в сфере законотворчества и правоприменения [6; 7]. Понимание принципов права как нормативно закрепленных и соответствующим образом маркированных основополагающих идей всего правового регулирования или отдельных его сфер позволяет правоприменителю четко представлять, какие положения нормативного правового акта являются принципами права, а какие – нет, и учитывать это в своей деятельности.

По нашему мнению, принципы российского уголовно-исполнительного права (что в рамках позитивизма синонимично принципам уголовно-исполнительного законодательства) – это нормативно закрепленные и прямо маркированные в ст. 8 УИК РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ в качестве принципов уголовно-исполнительного законодательства осново-

полагающие идеи в сфере правового регулирования уголовно-исполнительных отношений.

Принципы российского уголовно-исполнительного права также закреплены и в Конституции РФ. Некоторые общеправовые конституционные принципы (например, принцип законности, закрепленный в ч. 1, 2, 3 ст. 15 Конституции РФ и названный в ст. 8 УИК РФ, и принцип равенства осужденных перед законом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ и адаптированный применительно к сфере уголовно-исполнительных отношений в ст. 8 УИК РФ) продублированы в ст. 8 УИК РФ. Большинство же носящих общеправовой характер конституционных принципов не продублированы в УИК РФ (гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности частной жизни и др.). Не продублирован в УИК РФ и межотраслевой принцип компенсации (возмещения вреда), закрепленный в ст. 42, 52, 53 Конституции РФ.

Что касается законодательства других государств постсоветского пространства, то ситуация там аналогичная: ряд конституционных общеправовых (иногда и межотраслевых) принципов не продублированы в кодифицированных уголовно-исполнительных актах. Тем не менее, учитывая, что конституция является основным законом не только в России, конституционные принципы обладают прямым действием, независимо от их продублированности или непродублированности в отраслевых нормативных актах.

Далее мы будем рассматривать только принципы уголовно-исполнительного законодательства, которые прямо закреплены в уголовно-исполнительных кодексах или аналогичных им нормативных правовых актах. Обратим внимание, что принципы права в целом и принципы уголовно-исполнительного права в частности нужно отграничивать от доктринальных принципов – идей, которые выводятся из содержания норм, правовых предписаний, смысла закона путем их анализа и толкования, общих представлений о праве, общих представлений о сущем и должном, из морально-этических представлений и т. п.

В уголовно-исполнительном законодательстве государств постсоветского пространства не принято давать дефиницию принципов уголовно-исполнительного законодатель-

ства. Единственное исключение – УИК Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17. В п. 2 ст. 2 «Основные понятия, применяемые в настоящем Кодексе» раскрывается содержание понятия «принципы уголовно-исполнительного законодательства». Под ними понимаются «руководящие правовые идеи, выражающие основные правовые взгляды государства на характер уголовно-исполнительного законодательства и регулирование общественных отношений при исполнении уголовных наказаний».

Несомненно, попытка нормативного закрепления понятия принципов уголовно-исполнительного законодательства должна приветствоваться. Однако в содержательном плане она нам представляется не очень удачной. Во-первых, из приведенного определения не ясно, идет речь об идеях, непосредственно закрепленных в гл. 2 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», или существуют иные принципы уголовно-исполнительного законодательства. Если таковые существуют, то в какой форме и где они закреплены? Во-вторых, непонятно, принципы – это только идеи или еще и нормы права? В-третьих, остается открытым вопрос, кому адресованы принципы права (законодателю, правоприменителю, лицам, отбывающим наказание, и т. д.)? И наконец, не ясно, являются ли принципы уголовно-исполнительного законодательства регулятором общественных отношений или же это только исходящие от государства пожелания.

Тем не менее считаем, что всем остальным государствам постсоветского пространства целесообразно в уголовно-исполнительном законодательстве закрепить дефиницию принципов. Однако сделать это нужно так, чтобы определение было не просто сформулировано ясно и четко, но и снимало обозначенные выше вопросы.

МЕХАНИЗМ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Прежде чем рассмотреть механизм закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства в кодифицированных актах государств постсоветского пространства, необходимо отметить, что 2 ноября 1996 г. постановлением Межпарламентской

Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ (далее – Модельный кодекс). Несмотря на рекомендательный характер данного документа, он оказал серьезное влияние на закрепление принципов права в уголовно-исполнительном законодательстве государств постсоветского пространства.

В ст. 7 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства» Модельного кодекса содержится положение: «Уголовно-исполнительное законодательство основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием». Как видим, в названном акте перечислено семь принципов уголовно-исполнительного законодательства, однако раскрытие их содержания оставлено на усмотрение национальных законодателей. К сожалению, большинство государств постсоветского пространства, за исключением Таджикистана, Армении и Кыргызской Республики, не стали ничего делать в этом направлении.

Первой в своем законодательстве заимствовала механизм закрепления принципов права, предложенный в Модельном кодексе, Российская Федерация. Статья 8 УИК РФ идентична по структуре и близка по содержанию ст. 7 Модельного кодекса. Небольшие несущественные отличия имеются в названии двух принципов. Принцип, названный в Модельном кодексе принципом рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения, в УИК РФ назван принципом рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Как видим, отличия носят исключительно редакционный характер. Еще менее отличается название другого принципа, который в Модельном кодексе сформулирован как принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, а в УИК РФ – как принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Отличие здесь лишь в окончании последнего слова.

Сложно сказать, почему в УИК РФ содержание принципов осталось нераскрытым. Мы не исключаем, что при принятии Кодекса законодатель просто не осознавал истинного значения принципов уголовно-исполнительного законодательства и той роли, которую они могут и должны играть в правовой системе, поэтому и ограничился почти прямым заимствованием положений Модельного кодекса. Некоторые авторы дают другое объяснение: при обсуждении проекта УИК РФ были слишком сильны противоречия между позициями относительно содержания конкретных принципов, поэтому предпочли ограничиться только их перечислением [8, с. 51; 9, с. 74]. В этом случае можно надеяться, что разногласия будут преодолены и принципы, названные в ст. 8 УИК РФ, наконец-то обретут наполнение. К сожалению, пока этого не произошло.

Удивительно, что еще в восьми других государствах постсоветского пространства законодатель тоже пошел по пути простого перечисления принципов.

Так, в ст. 6 УИК Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З перечислены те же принципы уголовно-исполнительного законодательства. Причем названия первых четырех полностью совпадают с перечнем из Модельного кодекса, а последние три имеют незначительные редакционные расхождения.

В ст. 7 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний, утвержденного Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 908-IQ, перечислено не семь, а шесть принципов законодательства об исполнении наказаний. Первыми идут традиционные принципы законности, гуманизма и демократизма, а формулировки остальных немного отличаются. В частности, принцип равенства осужденных перед законом имеет более широкую трактовку – он сформулирован как принцип «равенства осужденных и юридических лиц, в отношении которых применяются меры уголовно-правового характера, перед законом». Здесь в полной мере проявляется специфика уголовного законодательства Азербайджана, поскольку гл. 15-2 УК Азербайджанской Республики, утвержденного Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ, устанавливает уголовно-правовые меры, применяемые в отношении юридических лиц.

Второе отличие состоит в том, что из названия принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания «пропала» часть, касающаяся дифференциации. Азербайджанский законодатель назвал данный принцип принципом индивидуализации исполнения наказаний. Последний (шестой) принцип называется принципом целесообразного применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения и усиления воспитательного воздействия наказания. Из-за того, что, как уже отмечалось, содержание принципов ни в Модельном кодексе, ни в ряде уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства не раскрывается, не совсем ясно, можно ли считать названный азербайджанский принцип аналогом принципа рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения или же он включает и принцип соединения наказания с исправительным воздействием. Последний, напомним, является самостоятельным принципом в Модельном кодексе.

В ст. 6 УИК Республики Узбекистан, утвержденного Законом Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 409-I, перечислено восемь принципов уголовно-исполнительного законодательства. При заимствовании подхода, содержащегося в Модельном кодексе, узбекский законодатель не стал закреплять принцип равенства осужденных перед законом. Возможно, это сделано потому, что общеправовой принцип равенства всех перед законом закреплен в ст. 19 Конституции Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. Также среди принципов уголовно-исполнительного законодательства отсутствует принцип соединения наказания с исправительным воздействием.

Зато, в отличие от Модельного кодекса, в УИК Республики Узбекистан появилось два новых принципа – гуманного обращения к осужденным и уважения чести и достоинства осужденных, присущих человеческой личности. Со вторым все понятно: он конкретизирует общеправовой конституционный принцип неприкосновенности чести и достоинства личности (ст. 26 Конституции Республики Узбекистан). А вот целесообразность закрепления принципа гуманного обращения к осужденным при наличии принципа гуманизма, названного в той же статье, вызывает вопросы.

Совершенно не ясно, в чем состоит различие между принципом гуманизма и принципом гуманного обращения к осужденным, как они соотносятся между собой, не является ли второй принцип лишь одним из аспектов первого.

В ст. 5 УИК Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-VI названо восемь принципов уголовно-исполнительного законодательства. При этом, что присуще только УИК Республики Казахстан, принципы пронумерованы, каждому посвящен отдельный абзац. Это позволяет абсолютно четко понять подход законодателя к выделению того или иного принципа.

Другой особенностью УИК Республики Казахстан в вопросе закрепления принципов права является то, что принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания воспринимается как два самостоятельных принципа – дифференциации условий исполнения наказаний, индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Поскольку содержание принципов не раскрыто, бессмысленно, на наш взгляд, рассуждать, что более верно: два разных принципа или один объединенный.

Третья особенность УИК Республики Казахстан заключается в том, что принцип рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения из Модельного кодекса сформулирован как два самостоятельных принципа – рационального применения мер принуждения, стимулирования правопослушного и активно общественно полезного поведения осужденных. Кстати, в формулировке второго принципа акцент сделан не просто на стимулировании правопослушного поведения, но и на его активном общественно полезном характере.

Четвертая особенность принципов уголовно-исполнительного законодательства Казахстана – отсутствие в их перечне принципов демократизма и равенства осужденных перед законом. Что касается принципа демократизма, то, по нашему мнению, он, в силу своей сущности, вообще не имеет отношения к уголовно-исполнительной сфере, поэтому ему не место среди принципов уголовно-исполнительного законодательства. Относительно невключения принципа равенства осужденных перед законом аргументация, видимо, должна быть такая же, как и применительно к узбекскому законодательству. В ст. 14 Кон-

ституции Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., закреплена общеправовой принцип равенства всех перед законом и судом. Возможно, законодатель просто не стал его дублировать или конкретизировать в уголовно-исполнительном законодательстве.

Последней, пятой, особенностью является введение принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. По сути, это общеправовой принцип, который можно было дублировать или не дублировать в отраслевом законодательстве.

В ст. 5 УИК Украины от 11 июля 2003 г. № 1129-IV перечислено самое большое количество (двенадцать) принципов «уголовно-исполнительного законодательства, исполнения и отбывания наказаний» среди всех аналогичных нормативных правовых актов государств постсоветского пространства. Новыми по сравнению с Модельным кодексом являются принцип неотвратимости исполнения и отбывания наказаний, принцип справедливости, принцип уважения к правам и свободам человека, принцип взаимной ответственности государства и осужденного и принцип участия общественности в предусмотренных законом случаях в деятельности органов и учреждений исполнения наказаний. Обратим внимание, что непонятным в данном случае является соотношение принципа демократизма и принципа участия общественности в предусмотренных законом случаях в деятельности органов и учреждений исполнения наказаний. К сожалению, в условиях, когда содержание принципов не имеет легального раскрытия, точный ответ на этот вопрос получить невозможно.

Итак, в уголовно-исполнительном законодательстве России, Беларуси, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана и Украины механизм закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства аналогичен принятому в Модельном кодексе. Близок к нему и механизм закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства в ст. 3 УИК Туркменистана от 25 марта 2011 г. № 164-IV. Отличие заключается в том, что статья, посвященная принципам уголовно-исполнительного законодательства, имеет деление на части. Часть 1 ст. 3 УИК Туркменистана аналогична ст. 8 УИК РФ, ст. 6 УИК Республики Беларусь, ст. 7 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний и др.

В ч. 2 ст. 3 УИК Туркменистана отдельно закреплено право лиц, отбывающих уголовное наказание, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Можно предположить, что мы имеем дело с попыткой конкретизировать содержание одного из принципов, названных в ч. 1 той же статьи, – принципа гуманизма. А в ч. 3 названной статьи раскрывается содержание принципа равенства осужденных перед законом.

Таким образом, законодатель раскрыл содержание двух принципов из семи. При этом остается не ясным, что помешало ему сделать то же в отношении остальных принципов уголовно-исполнительного законодательства, что было бы более логичным.

Среди уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства особняком стоит Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24 декабря 2004 г. № 443-XV. На наш взгляд, это уникальный нормативный правовой акт, в котором объединены вопросы исполнения судебных актов как по гражданским, так и по уголовным делам. Книга первая посвящена исполнению решений по гражданским делам, а книга вторая – исполнению решений по уголовным делам. В ст. 167 закреплены принципы уголовно-исполнительного законодательства. В первой ее части перечислено семь принципов. В отличие от Модельного кодекса, здесь не называется принцип соединения наказания с исправительным воздействием, зато имеется принцип соблюдения прав, свобод и уважения достоинства человека.

На наш взгляд, интерес представляет расширенная формулировка принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Молдавский законодатель закрепил его в качестве принципа дифференциации, индивидуализации и планирования исполнения уголовных наказаний. Однако главное достоинство Исполнительного кодекса Республики Молдова с точки зрения юридической техники закрепления принципов права не в этом. В ч. 2 ст. 167 данного документа устанавливается, что «Меры безопасности осуществляются на основе принципов уголовного права в целях устранения угрозы и предупреждения совершения деяний, предусмотренных уголовным законом», а в ч. 3 – «Осуществление мер пресечения основывается на принципах и при соблюдении уголовно-процессуального законодательства».

Это означает, что молдавский законодатель в ряде случаев прямо санкционирует действие принципов уголовного и уголовно-процессуального права в сфере уголовно-исполнительных отношений. Подобного рода положений нет в уголовно-исполнительном законодательстве ни одного государства постсоветского пространства.

Также из череды во многом схожих уголовно-исполнительных кодексов выпадает Кодекс о заключении под стражу Грузии от 9 марта 2010 г. № 2696-1с. В нем нет статьи, которая посвящалась бы только принципам уголовно-исполнительного законодательства. Принципам (не уголовно-исполнительного законодательства, а исполнения заключения под стражу и лишения свободы) уделено внимание только в ч. 2 ст. 1 «Цели и принципы законодательства Грузии об исполнении заключения под стражу и лишения свободы». Причем перечислено без раскрытия содержания всего пять принципов: законности, гуманизма, демократичности, равенства перед законом и индивидуализации наказания.

Если в восьми рассмотренных выше кодифицированных актах государств постсоветского пространства содержание принципов уголовно-исполнительного права не раскрывается, то в Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г., УИК Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 и УИК Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17 ситуация совершенно иная. Принципиальное их отличие в том, что законодатель предпринял попытку наполнить содержанием названные в них принципы уголовно-исполнительного законодательства. При этом юридическая техника закрепления принципов права разная.

В Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан нет ни специальной главы, ни статьи, в которых бы перечислялись принципы уголовно-исполнительного законодательства. В этом названный нормативный правовой акт уступает всем прочим кодифицированным актам, регулирующим уголовно-исполнительную сферу, в которых имеются отдельные статьи, содержащие четкий перечень принципов уголовно-исполнительного права. Однако он обладает несомненным достоинством, поскольку в гл. 1 «Общие положения» имеется шесть статей (ст. 8–13), в которых последовательно,

с раскрытием содержания закреплены принципы законности, равенства осужденных перед законом, гуманизма, демократизма, справедливости и стимулирования правоупотребительного поведения, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Сделаем оговорку, что мы не будем анализировать содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства Таджикистана, Армении и Кыргызстана, поскольку данная проблема должна стать предметом самостоятельного научного исследования.

В УИК Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 нет такого недостатка, как в Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан. В нем, как и в большинстве уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства, есть специальная статья, содержащая перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства (ст. 5). Этот перечень из пяти принципов не оригинален и представляет собой суженный вариант принципов, закрепленных в Модельном кодексе. Армянский законодатель не посчитал нужным включить в него принцип демократизма, что, на наш взгляд, абсолютно правильно, и принцип рационального применения принудительных средств и стимулирования правоупотребительного поведения.

Отметим, что в УИК Республики Армения, в отличие от Модельного кодекса и большинства уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства, принципы законности и гуманизма поменяны местами. Армянский законодатель первым расположил принцип гуманизма, а принцип законности поставил на второе место. Мы полагаем, что такая перемена не является случайной, акцент именно на принципе гуманизма в регулировании уголовно-исполнительных отношений сделан намеренно.

Однако наиболее важно в плане юридической техники и значимо для правоприменителя то, что в ст. 6 УИК Республики Армения раскрывается содержание принципа гуманизма, в ст. 7 – принципа законности, в ст. 8 – принципа равенства осужденных перед законом, в ст. 9 – принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, в ст. 10 – принципа сочетания наказания и средств исправления.

Самым совершенным в плане юридической техники закрепления принципов уголовно-

исполнительного законодательства является УИК Кыргызской Республики. Он превосходит все прочие уголовно-исполнительные законы минимум по двум параметрам. Во-первых, как мы уже отмечали ранее, в п. 2 ст. 2 УИК Кыргызской Республики закреплено понятие принципов уголовно-исполнительного законодательства. Во-вторых, в единственном из всех постсоветских уголовно-исполнительных кодексов в нем выделена специальная глава «Принципы уголовно-исполнительного законодательства» (гл. 2). Она состоит из восьми статей (ст. 7–14). В первой (ст. 7) перечисляются принципы уголовно-исполнительного законодательства. В последующих статьях (в названии каждой содержится слово «принцип») раскрывается сущность каждого принципа: в ст. 8 – принципа законности, в ст. 9 – принципа гуманизма, в ст. 10 – принципа участия общественности, в ст. 11 – принципа равенства осужденных перед законом, в ст. 12 – принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний и принудительных мер уголовно-правового воздействия, в ст. 13 – принципа рационального применения принудительных средств и стимулирования правоупотребительного поведения, в ст. 14 – принципа соединения наказаний и принудительных мер уголовно-правового воздействия с исправительным воздействием на осужденных и их ресоциализацией. Как видим, за исключением частичных небольших редакционных расхождений эти принципы соответствуют принципам уголовно-исполнительного законодательства, изложенным в ст. 7 Модельного кодекса. В качестве положительного момента отметим, что кыргызский законодатель намеренно не использует понятие «принцип демократизма», не имеющее отношения к уголовно-исполнительной системе, и заменяет его принципом участия общественности. Анализ содержания этого принципа приводит к выводу, что он имеет прямое отношение и может успешно реализовываться в уголовно-исполнительной сфере общественных отношений.

Выводы

Во-первых, исходя из позитивистского правопонимания, принципы российского уголовно-исполнительного права (уголовно-исполнительного законодательства) – это норма-

тивно закрепленные и прямо маркированные в ст. 8 УИК РФ в качестве принципов уголовно-исполнительного законодательства основополагающие идеи правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Все прочие идеи, касающиеся уголовно-исполнительных отношений, не закрепленные в УИК РФ (кроме конституционных принципов права), которые выводятся из содержания отдельных правовых норм или их совокупности, общего смысла закона, представлений о праве, справедливости, сформулированные учеными или в судебной практике, принципами права не являются. Они представляют собой доктринальные принципы, которые функционируют не в сфере права, а в сфере правосознания.

Во-вторых, на механизм закрепления и перечень принципов уголовно-исполнительного права государств постсоветского пространства определяющее влияние оказал Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ.

В-третьих, в девяти из двенадцати рассмотренных кодифицированных актов государств постсоветского пространства, регулирующих уголовно-исполнительные отношения, принципы уголовно-исполнительного законодательства только перечисляются, их содержание не раскрывается. Кроме того, ни в одном нормативном правовом акте, кроме УИК Кыргызской Республики, не закреплена дефиниция принципов уголовно-исполнительного законодательства. Такой подход не позволяет правоприменителю эффективно использовать принципы права в практической деятельности, поскольку сложно использовать то, что непонятно.

В-четвертых, содержание принципов уголовно-исполнительного права раскрыто только в законодательстве Таджикистана, Армении и Кыргызстана, отчасти – Туркменистана. При этом используются разные технико-юридические механизмы их закрепления. Теоретически оптимальным является способ, использованный законодателем Кыргызской Республики (принципам посвящена специальная глава, в первой статье которой дается перечень принципов права, а в остальных

статьях последовательно раскрывается содержание каждого). Однако для Российской Федерации более приемлема, на наш взгляд, модель Республики Армения, где отсутствует глава «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», но в гл. 1 «Общие положения» имеется статья «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», в которой перечисляются принципы, а потом следуют статьи, раскрывающие содержание каждого из них. Армянская модель подходит для России больше, чем кыргызская, исключительно по техническим причинам: в этом случае не придется менять структуру УИК РФ, достаточно будет ввести в Кодекс ст. 8.1 «Принцип законности», ст. 8.2 «Принцип гуманизма» и т. д. Кстати, такие предложения уже высказывались в научной литературе [5, с. 224–228].

В-пятых, мы намеренно в данной работе не предлагаем свое видение содержания конкретных принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, поскольку полагаем, что на страницах академического журнала должна быть официально объявлена дискуссия (аналогично дискуссиям, проходившим в советский период), посвященная принципам уголовно-исполнительного законодательства. В ходе нее предлагаем обсудить следующие вопросы:

– следует ли закреплять в УИК РФ понятие принципов уголовно-исполнительного законодательства. Если следует, то какой должна быть соответствующая дефиниция;

– следует ли в УИК РФ, исходя из зарубежного опыта, делать отсылки к принципам других отраслей права (в первую очередь уголовного и уголовно-процессуального);

– с учетом опыта государств постсоветского пространства, каков должен быть перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства, как именно должны формулироваться названия принципов;

– с учетом доктринальных разработок российских пенитенциаристов и опыта государств постсоветского пространства, каким должно быть нормативно закрепленное содержание каждого из принципов уголовно-исполнительного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сизая Е.А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики : монография / Е.А. Сизая. – Чебоксары : РИО ЧКИ РУК, 2008. – 383 с.
2. Анисимков В.М. Предмет и принципы уголовно-исполнительного регулирования: актуальные проблемы теории и правоприменительной практики : монография / В.М. Анисимков, Е.В. Королева. – Краснодар : Российский криминологический взгляд, 2009. – 111 с.
3. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2016. – 80 с.
4. Чубраков С.В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / С.В. Чубраков ; под ред. В.А. Уткина. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. – 128 с.
5. Можайкина В.А. Принципы уголовно-исполнительного права в российской правовой системе : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / В.А. Можайкина. – Курск, 2024. – 230 с.
6. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А.А. Демичев // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 5–13.
7. Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование) : монография / В.А. Илюхина ; под ред. А.А. Демичева. – Москва : Директ-Медиа, 2024. – 408 с.
8. Уткин В.А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность? / В.А. Уткин // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 1 (72). – С. 50–53.
9. Гришко А.Я. О принципах уголовно-исполнительного права / А.Я. Гришко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2014. – № 4. – С. 70–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Илюхина Вера Александровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, главный научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС;

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, главный научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilyukhina Vera Aleksanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; Chief Researcher of the Scientific Center of the Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Demichev Alexey Andreevich – Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Scientific Center of the Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 05.01.2026; принята к публикации 12.01.2026. The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 05.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.